

П. Ф. ФОЛЯ

ЮЖНЫЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ ПУШКИНА В ОТОБРАЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

В ряду героев советской художественно-биографической литературы одно из первых мест принадлежит гениальному Пушкину.

Величественный образ поэта на протяжении многих лет привлекал внимание писателей. В истории развития биографического жанра известно немало попыток художественного воспроизведения жизненного и творческого пути поэта. Они неоднократны и в дореволюционной литературе, в частности в творчестве буржуазно-дворянского беллетриста В. Авенариуса. Но только советская художественно-биографическая литература, вооруженная методом социалистического реализма, оказалась в состоянии творчески решить наиболее сложные и ответственные проблемы биографии великого поэта. Советские писатели, опираясь на достижения советского пушкиноведения, создали в своих произведениях подлинно правдивый, обаятельный, во всем его величии и чарующий красоте, образ Пушкина — человека и творца. Среди этих работ заметно выделяются «Пушкин» Ю. Тынянова и «Пушкин в изгнании» И. Новикова.

Биографические произведения советской литературы о Пушкине довольно последовательно освещают жизненный и творческий путь поэта.

Большой интерес среди литературы о Пушкине представляет художественная проза, отображающая южный период жизни поэта. Этот период очень важен для понимания процесса идейно-художественного роста и совершенствования Пушкина. Ему посвящены первая часть романа И. Новикова «Пуш-

кин в изгнании» — «Пушкин на юге», несколько глав «Повести о Пушкине» В. Воеводина, а также драматические эпизоды «Изгнанник» А. Комаровского и А. Сумарокова и др.

Наиболее полно и последовательно южный период жизни Пушкина рассматривается в двух прозаических произведениях — в романе И. Новикова «Пушкин в изгнании» и «Повести о Пушкине» В. Воеводина. Поскольку речь идет о близких по проблеме произведениях, будет целесообразно рассматривать их параллельно, путем сравнительного анализа. Однако следует заметить, что сопоставление книг, пусть даже отображающих один и тот же фактический материал, в известной степени условно, относительно. Элемент субъективного в истолковании писателем фактического материала в биографическом произведении так же неизбежен, как неизбежен он в творчестве Пушкина или любого другого писателя, потому что уже сам процесс художественной типизации является актом индивидуального обобщения явлений объективного мира.

Субъективное в истолковании писателем исторических фактов оправдано лишь тогда, когда оно подчинено исторической правде и способствует ее углубленному раскрытию.

Учитывая вышесказанное, сопоставление книг И. Новикова и В. Воеводина возможно и тем более интересно, что в значительной части их содержится один и тот же период биографии поэта (речь идет о первой части романа И. Новикова и шестой-девятой главах повести В. Воеводина). Писатели исходят из общих важнейших принципов биографического жанра, требующих прежде всего строгого соблюдения исторической правды, являющейся главным эстетическим законом советской художественно-биографической литературы.

Рассказ о южном периоде жизни Пушкина в указанных произведениях начинается описанием Екатеринослава и екатеринославских впечатлений поэта.

«Как удивительна жизнь! — пишет В. Воеводин. — Он ехал с отчаянием в душе на тоску, на прозябанье в южном захолустье, а жизнь приготовила ему на первых порах суший праздник. Обиды недавних дней утратили свою горечь, в смеле новых впечатлений душа точно обновилась.

Вот память рисует приднепровский городок Екатеринослав, весь в садах, весь из выбеленной глины. Пылища, духота, убогие корчмы; обитатели смиренного дома, а попросту говоря, арестанты, колодники, на улицах просят подаюнья — обычай удобный, облегчающий казне содержание острогов на Руси. Таков центр южного края»¹.

В романе «Пушкин в изгнании» глазам ссыльного поэта открывается иная картина. В описании И. Новикова Екатеринослав с его полуразрушенным дворцом и недостроенным собо-

¹ В. Воеводин. Повесть о Пушкине. Лениздат, 1956, стр. 48.

ром, с разбросанными в причудливом беспорядке еврейскими лачугами, единственной грязной гостиницей и тюрьмою, с его казарменным бытом, тулою и рабскою размеренностью каждого шага, оцепенением по ранжиру и мыслями по команде и т. д. это не просто «...приднепровский городок... весь в садах, весь из выбеленной глины» — это типичная захолустная деревня крепостнической России. И. Новикова, в отличие от В. Воеводина, привлекает не только, да и не столько внешняя сторона города, — нет, в облике Екатеринослава в романе «Пушкин в изгнании» подчеркнуты прежде всего подлинные черты внутренней сущности «центра юга», вотчины «всей России притеснителя» Аракчеева. И. Новиков не ограничивается лишь одной обрисовкой города. Дополняя картину «центра южного края», он создает яркие портреты обитателей города, вершивших судьбы юга России. В числе этих персонажей выделяется прежде всего образ самого губернатора, ограниченность и духовная пустота которого раскрыты в романе при помощи нескольких метких сатирических штрихов и деталей.

Тучный и недалекий губернатор, как это рисуется в одном из эпизодов романа, чинно восседает на почетном месте за столом и солидно вставляет в разговор о Потемкине лишь короткие реплики: «Вы истинно правы, ваше превосходительство. Князь Потемкин-Таврический был как светило на фоне...». И «тут, — замечает И. Новиков, — как бы на помощь себе, он принимался поглаживать пальцем свою бородавку, но и это ему не помогало: на фоне чего — так и осталось загадкой»².

Впечатления Пушкина от екатеринославского общества, возглавляемого губернатором, И. Новиков выразительно раскрыл в лаконичной зарисовке диалога между поэтом и Николаем Раевским:

«— Чего ты смеешься? — спросил Николай, заметив, что Пушкин не удержался и фыркнул.

— Смеюсь я на фоне... умных речей, — быстро ответил Пушкин и легонько кивнул на губернатора»³.

В глаза поэту бросается не только моральное уродство екатеринославского «общества». Еще по дороге в Екатеринослав, пишет И. Новиков, «не только природа — и сама жизнь... вольно и широко дышала в лицо: встреченные люди, разная повадка их, говор, веселье и слезы, забота и раздражение, труд, нищета, гордый характер, заунывная песня — дыхание истории...»⁴. От внимательного взгляда Пушкина не скрылись и те «стихийные судороги», которые пробегали порою «по лицу земли русской». Приближаясь к Екатеринославу, говорит

² И. Новиков. Избранные сочинения в трех томах, т. I. М., 1955, стр. 33.

³ Там же, стр. 28.

⁴ Там же.

писатель, Пушкин «слышал не раз о крестьянских волнениях и в самих окрестностях города. Передавали, что до пятидесяти деревень бунтовали против своих помещиков, среди которых поминались и такие фамилии, как Раевский и Пушкин. Пусть это были только однофамильцы, но все же сами события от этого как бы приближались и интерес к ним еще обострялся. Таково было это, рядом с дыханием степи, столь же горячее дыхание жизни»⁵.

Сопоставив указанные эпизоды повести В. Воеводина и романа И. Новикова с некоторыми документами, нетрудно заметить, кто из писателей ближе к истине в решении этих вопросов.

Интересные данные об Екатеринославе 20-х годов встречаются в записках и воспоминаниях современников Пушкина, в документах и исследованиях.

Екатеринослав 20-х годов XIX века представлял собой глухую деревню, заброшенную в диких степях и насчитывавшую не свыше 1095 домов и трех тысяч взрослого населения. Что же касается его культурной жизни, о ней красноречиво говорит хотя бы тот факт, что там не издавались даже официальные «Губернские ведомости». «Жизнь была в нем, — писал о Екатеринославе Вигель, — самая единообразная, скучная»⁶.

Яркую характеристику нравов екатеринославского общества дал служивший вместе с Пушкиным А. Фадеев. Он писал: «Общество в Екатеринославе, за исключением 2—3 личностей, было весьма первобытное»; «...обхождение многих помещиков с их крестьянами и дворовыми людьми было самое бесчеловечное», «образ их жизни был самый забулдыжный: карты, обжорство, пьянство, пустая болтовня и сплетни занимали все их свободное время...»⁷.

Доведенные до отчаяния помещичьим гнетом, крестьяне часто бунтовали. В 1820 году, накануне приезда Пушкина в Екатеринослав, на юге России вспыхнуло крестьянское восстание, которое было жестоко подавлено царизмом. В екатеринославской тюрьме в связи с этим томилось свыше тысячи человек (на три тысячи взрослого населения!). Число ссыльных и заключенных пополнялось и за счет бунтовавших рабочих. Так, в том же 1820 году в Екатеринослав были сосланы все руководители бунтовавших рабочих подмосковной суконной фабрики⁸.

⁵ И. Новиков. Указ. соч., стр. 28.

⁶ I. Пустинський. Пушкін у Катеринославі. Вид-во «Зоря», 1937, стор. 24.

⁷ Там же, стр. 25 и 26.

⁸ Данные приводятся по статье И. Пустынского «Пушкін у Катеринославі».

Такую, вкратце, картину представлял собой Екатеринослав, центр колонизаторской деятельности царизма, плацдарм для насаждения аракечевских военных поселений.

Пушкин, несомненно, знал о подобного рода событиях, так как проезжал по Украине в самый разгар крестьянских волнений и встречался почти со всеми «усмирителями» крестьян.

Екатеринославские впечатления Пушкина в упоминаемых нами произведениях переданы авторами столь же различно, сколь отличны глубина и характер отображенных в книгах событий, вызвавших эти впечатления.

У В. Воеводина Пушкин воспринимает окружающую действительность в состоянии покоя. И. Новиков же рисует жизнь и восприятия Пушкина противоречивыми, неопределенными. В душе поэта, говорит И. Новиков, были смешаны «разные чувства — тревога и любопытство, грусть и освобождение, ощущение покоя и жажда неизведанных впечатлений»⁹. А впечатлений, продолжает писатель, было много, и были они самые разнообразные, но все они пока что только накопились, «грудились одно на другое, как облака перед грозой. И, как перед грозой, было томление, не находившее себе разрешения»¹⁰.

Итак, вместо ощущения покоя, «сущего праздника», подготовленного «удивительной жизнью», «обновления души» и забвения «горечи» в «Повести о Пушкине» В. Воеводина, екатеринославские впечатления по роману «Пушкин в изгнании» И. Новикова вызывают в душе поэта целую гамму чувств, часто неопределенных и противоречивых, среди которых доминирующим является пусть еще смутное и не вполне осознанное чувство предгрозы.

Эти эпизоды являются как бы ключом к пониманию дальнейшего развития событий в обоих произведениях: если в повести В. Воеводина дана застывшая картина чувств и мыслей поэта, то в романе И. Новикова этот эпизод намечает широкую перспективу развития характера героя. Дальнейшее развитие сюжета романа И. Новикова «Пушкин в изгнании» ведется по линии углубленного раскрытия характера героя.

Путешествие Пушкина с семьей Раевских на Кавказ и в Крым наполняет духовный мир поэта новыми впечатлениями. Тут и пылкие чувства любви, и горячие воспоминания о прежней жизни, и очаровательные пейзажи степного раздолья, и народные предания о Разине и былых вольностях понизовья и т. д. В степном раздолье тихого Дона восприятия поэта обостряются, — по-новому, ярче всплывают в памяти и «Слово о полку Игореве», и песни, слышанные от няни, и мотивы сказок. Звучат они здесь как-то особенно волнующе. Раньше часто противоречивые, смешанные, неопределенные впечатления постепенно становятся стройнее, приобретают определенные кон-

⁹ И. Новиков. Указ. соч., стр. 27.

¹⁰ Там же, стр. 28.

туры. Если прежде, например, знакомая по чулковскому сборнику песня «Ай, далече, далече, во чистом поле...» не обратила на себя особого внимания поэта, то сейчас и слова и мелодия этой же песни с ее глубокой тоской, свободно звучащей в степном просторе, по-настоящему, до глубины души тронули его.

Знаменательно и другое: давно известная поэту песня сейчас вызвала в его сознании новые ассоциации — она сплелась в его воображении с судьбою бежавших, закованных в цепи, рискующих жизнью во имя свободы арестантов, с воспоминаниями о Екатеринославе, переполненном томящимися в кандалах людьми.

Новые штрихи отмечены писателем и в записях Пушкина — пусть отрывочных, разнообразных, пестрых, но очень ярких и выразительных, появившихся в тетрадах поэта в период путешествия. Очень важной для понимания впечатлений и интересов Пушкина этого времени является запись о восстании крестьян на Дону, вооруженных «кольем и дубьем», которое удалось царским генералам подавить только картечью. В записях Пушкина так и отмечено: «20000 кольем и дубьем — свободы Голодаевки — картечью». Значительное место в романе И. Новикова занимает и раскрытие автором все возрастающего интереса Пушкина к отечественной истории.

Таким образом, разнообразные впечатления ссыльного поэта постепенно оформлялись в его сознании, систематизировались, приобретали внутреннюю связь, выливаясь в отдельные картины или фрагменты картин, в которых ощутимы черты новой, неизвестной, малоизвестной или переосмысленной действительности.

Путешествие Пушкина нашло свое отображение и в «Повести о Пушкине» В. Воеводина. Для наглядности приведем в данной работе один из отрывков, характерных для произведения В. Воеводина:

«Но пока их кареты все дальше и дальше катились на юг степными дорогами, разве можно было грустить? Все было новым, каждый день путешествия: природа, селения, людской обычай, и все это была Россия, умом непостижимая в своей необъятности и многообразии.

У атамана Войска Донского за столом они чокались багряным игристым вином цимлянской лозы и слушали старинные предания о понизовой вольнице. Имена Разина и Болотникова поминались в песнях»¹¹.

В рассказе В. Воеводина о путешествии Раевских и Пушкина подчеркнута много деталей — и «низкий полет стрепета», и то, что Раевские ехали «в двух каретах и коляске», «с няньками и с английской мисс», и «отпечатавшиеся на влажном песке» следы Марии, и цимлянской лозы багряное

¹¹ В. Воеводин. Указ. соч., стр. 50.

чигристое вино и т. п. А о самом главном — о внутренней работе поэта — не сказано почти ничего, за исключением разве описания чувства любви к Марии Раевской. Впрочем есть еще один довольно примитивный момент, раскрывающий душевное состояние поэта. В кубанской степи, пишет В. Воеводин, черкесские джигиты «могли появиться и напасть на путников в любую минуту, и Пушкин хотел нападения, мечтал о схватке, кровь горячила одна только мысль о выстрелах и сабельных ударах»¹². Все же свои познания о понизовой вольнице Пушкин почерпнул, по Воеводину, из «старинных преданий, слышанных у атамана Войска Донского» и т. д.

Так, вместо глубокого психологического анализа умственной работы поэта, которую так широко и всесторонне раскрыл И. Новиков, В. Воеводин ограничился беглым, упрощенным описанием внешней стороны факта. Пушкин — творец и создатель — фактически отсутствует.

В дальнейшем повествовании И. Новикова на смену противоречивым, смутным екатеринославским впечатлениям поэта, которые под воздействием новых событий приобрели устойчивую определенность, приходит вопрос, который и ранее волновал Пушкина, но особенно обострился в его сознании к концу путешествия: «О чем же писать, а ежели не писать, так что собственно делать?». За вольнолюбивые стихи он был сослан на юг. Поэт обещал друзьям ничего не писать против правительства, хотя бы на протяжении ближайших двух лет. И друзья его ждали новых произведений, в которых прозвучит если не покаяние, то хотя бы благодарность за оказанную свыше снисходительность. «Увидим, какой эпилог напишет он к своей поэме», — писал Карамзин Вяземскому по поводу эпилога к «Руслану и Людмиле». Словно отвечая друзьям и намекая на свое обещание, Пушкин подчеркивал:

Душа, как прежде, каждый час
Полна томительною думой...

Этим он, толкует И. Новиков, как бы говорил: «...Друзья мои, не думайте, что я изменился, нет, я по-прежнему верен себе и все осталось, как прежде, дума все та же — одна...»¹³.

Стремление быть «по-прежнему верным себе» волновало поэта и в часы раздумий, и в дни веселья. С особенной силой это чувство овладевает Пушкиным в Кишиневе, после встречи с Владимиром Раевским, Охотниковым, Якушкиным, Пестелем и др.

И. Новиков не случайно уделяет исключительное внимание кишиневскому периоду жизни Пушкина. Именно здесь,

¹² В. Воеводин. Указ. соч., стр. 50.

¹³ И. Новиков. Указ. соч., стр. 54.

в Кишиневе, происходит сближение поэта с будущими декабристами, с прогрессивными людьми России, в общении с которыми крепили его свободолюбивые стремления и демократические идеалы. Волновавший поэта вопрос: «О чем же писать, а ежели не писать, так что собственно делать?» — уже решен: без творческого труда жизнь немислима. В Кишиневе, общаясь с революционно настроенными людьми, много работая над изучением истории, Пушкин осознает те глубочайшие противоречия, которые таились в недрах русского общества. Именно здесь Пушкин впервые почувствовал, что вокруг него «что-то готовится и назревает». Эта смутная догадка превращается затем в твердую уверенность в существовании тайного общества. «А где же мое собственное место? И какова цель моей жизни?» — вот тот главный вопрос, который начинает волновать поэта.

Памятной была встреча Пушкина с Пестелем, она открыла поэту многие стороны жизни русского общества и помогла разрешить ряд волновавших его вопросов. Пестель горячо излагает Пушкину свои взгляды и планы справедливого общества. Страстная речь Пестеля в значительной степени помогла Пушкину разобраться в своих собственных мыслях и чувствах, придать им стройность и целеустремленность.

«Сословия подлежат уничтожению: равно сословие крепостных, как и сословие царей, — с сарказмом произнес Пестель, и вместо улыбки впервые огонь пробежал в его черных глазах.

— Все равны перед законом, и всем обеспечивается личная неприкосновенность...

— И свобода печати, — добавил он, глядя на Пушкина. — И тогда не только до нас доходить будут ваши стихи, а и до всех: всеобщая грамотность!

Тут Пушкин встал. В первый раз за все утро, исполненное прохлады и света, почувствовал он, как что-то жарко отозвалось в груди. Такая простая мысль! Но вот она прозвучала из уст этого сурового, собранного человека как некая реальная возможность, и она подняла с места¹⁴.

Уходя от Пестеля, Пушкин думал: «Это один из самых оригинальных умов, какие я знаю. Вот свести бы их с Чаадаевым!».

Связь Пушкина с будущими декабристами, его страстное желание стать членом тайного общества занимают много волнующих страниц в романе И. Новикова «Пушкина в изгнании». В решении вопроса взаимоотношений Пушкина и членов тайного общества, встречающихся с поэтом в Кишиневе и в Каменке, у писателя чувствуется исключительная тщательность и глубокая научность в отборе материала и его

¹⁴ И. Новиков. Указ. соч., стр. 239 и 240.

истолковании. Опираясь на воспоминания современников, среди которых очень ценными являются воспоминания И. И. Пущина (И. И. Пущин. «Записки о Пушкине», под ред. С. Я. Штрайха, 1925), «Записки И. Д. Якушкина» (1925), «Архив братьев Тургеневых» (Изд. Академии наук, Л., 1911—1922), И. Новиков глубоко раскрыл роль декабристских идей в становлении и формировании поэта и в то же время правдиво показал те причины, в силу которых Пушкину не был открыт секрет существования тайного общества.

Южные впечатления поэта, его общение с декабристами, систематические занятия историей открыли ему подлинную Россию — огромную, разноязычную, пленившую сердце и разбудившую думы. Мысли и чувства поэта — с Россией угнетенной. Он клеймит позором крепостников, для которых крестьяне являются «только источником дохода». На вопрос: как же он сам будет жить без крепостных? — Пушкин отвечает немногословно, но выразительно: «...головой! Или, если хотите, гусиным пером».

Он непоколебимо верит в окончательную победу народа. «Прежде народы, — приходит к заключению поэт, — восставали один против другого, теперь король неаполитанский тоже воюет с народом, русский воюет с народом, гишпанский тоже с народом, — так нетрудно расчесть, кто возьмет верх»¹⁵.

Таким образом, волновавшие ссыльного Пушкина вопросы о его призвании, о его месте как поэта и гражданина в общественной жизни находят свое окончательное решение. Поэт готов без малейших колебаний принять самое горячее участие в решении судеб народа и отечества.

В повести В. Воеводина описанию кишиневского периода жизни Пушкина посвящены седьмая и восьмая главы. В. Воеводин и здесь остается верным своему излюбленному риторически-описательному приему изложения фактического материала. Коль скоро речь идет о художественном произведении, а не о популярной биографии, следует остановиться более подробно на некоторых моментах книги В. Воеводина. В самом деле, что можно сказать о художественных достоинствах хотя бы следующего, типического для повести В. Воеводина, эпизода: «Пушкин клеймил, — пишет В. Воеводин, — отечественные порядки, не стесняясь ничем и никем. Чиновников он называл попросту мерзавцами и ворами, генералы большей частью были «скоты», дворянство, по его мнению, следовало бы перевешать. Только один класс в России он называл почтенным — земледельцев. Инзовские чиновники шарахались от его речей, как черт от ладана. Он не обращал внимания на лиц, причастных к тайной политической служ-

¹⁵ И. Новиков. Указ. соч., стр. 330.

бе, на которых кивали ему приятели. Пускай слушают, пускай, мерзавцы, строчат в Петербург, что Пушкин где ни придется, честит правительство»¹⁶.

Художественность, наглядность в раскрытии динамики характера героя в этом эпизоде, как и во многих других, исчерпываются добрым десятком «крепких словечек». Образность как главное средство художественной литературы подменена в повести В. Воеводина декларативностью. В таком же плане решен им и вопрос взаимоотношений Пушкина с передовыми людьми России, с будущими декабристами. Вот, например, сцена встречи Пушкина с Пестелем:

«Открытый разговор с новым знакомцем у Пушкина состоялся очень скоро. Говорили о религии, о нравственности, о политике... Полковник открыл ему, что душой и сердцем он — материалист; его политические мнения поражали своей крайностью (??). Удивительным было, как сочетается в нем холод рассудка с необычайным, не сразу распознаваемым внутренним горением. Этот офицер, с ногой, простреленной под Бородином, и с золотой шпагой «За храбрость», республиканец и атеист, самое слово Россия произносил с самоабвенной любовью.

Пестель был прислан в Бессарабский край расследовать причины и собирать сведения о ходе восстания этеристов»¹⁷.

Декларативность здесь налицо. Немало отмечено и деталей. Но дело в том, что эти детали подчеркивают восприятие Пушкиным Пестеля прежде всего как офицера, а не как выдающегося революционного деятеля. И это в произведении В. Воеводина не случайно. Это результат порочного приема изображения выдающейся исторической личности и «героев фона», роль которых сводится в подобных случаях лишь к тому, чтобы подчеркнуть величие, исключительность главного персонажа. В. Воеводин исходит из предпосылки, что Пушкин — гениальный поэт — широко известен читателю. Поэту остается лишь подобрать факты, сгруппировать их, оживить зарисовкой пейзажа, кое-что вымыслить более или менее удачно и т. д. Таким образом, то, что должно быть логическим выводом из всего повествования, в произведении В. Воеводина является исходным пунктом. А это ведет к статике в раскрытии характера героя и, в результате, к фальши, так как образ не развивается, а, словно по гегелевской диалектике, только «раскрывается».

С этим приемом сопряжены серьезные недостатки в решении проблемы труда творца, являющейся одной из главных в биографическом жанре о писателе. Существенное отличие принципов И. Новикова и В. Воеводина в толковании и изо-

¹⁶ В. Воеводин. Указ. соч., стр. 60.

¹⁷ Там же, стр. 67.

бражении фактического материала наложило отпечаток и на решение ими темы созидательного труда Пушкина.

«Тайным трудом» назвал Пушкин свой творческий труд. Читая, например, «Евгения Онегина», мы не видим, не ощущаем «тайного труда» поэта, потому что перед нами — конечный его результат. Но «тайное» становится явным при изучении творческой истории произведения. Только сопоставив и сличив различные варианты и редакции произведения, черновые заметки и записные книжки писателя и т. д., можно в какой-то степени представить, как много наблюдал он, говоря словами Л. Толстого, «однородных людей, чтоб создать один определенный тип».

Раскрыть в произведении труд поэта — задача сложная и ответственная. Писателю, создающему произведение о писателе, далеко не достаточно одного лишь знания фактического материала. Ему необходимо прежде всего умение соединить в себе исследователя, критика и художника, нужен, короче говоря, талант, если не равновеликий, то хоть в какой-то степени приближающийся к таланту писателя — героя произведения. Лишь в этом случае писатель сумеет на основании глубокого знания материала силой воображения, фантазии, чутьем художника проникнуть в секреты творчества, в тайны души творца и *показать* читателю их красоту, богатство и неповторимость.

Принципы художественного изображения поэта в биографическом произведении определились уже в «Пушкине» Ю. Тынянова. Свое утверждение и дальнейшее развитие они получили в творческой практике многих мастеров советского биографического романа. Эти принципы заключаются в том, что главный герой всегда должен быть в центре отображаемых писателем событий, а его мировоззрение, его личное «Я» — той призмой, через которую воспринимается им окружающая действительность и, преломляясь в его сознании, подвергаясь отбору и типизации, воплощается в результате в произведении искусства. Может возникнуть вопрос: нет ли здесь трафарета? Нет. Во-первых, потому, что речь идет о наиболее общих принципах, утвержденных практикой лучших мастеров советского биографического романа, определяющих специфику произведения о писателе, а не о частных приемах. Во-вторых, потому, что как оригинальны и неповторимы Пушкин и Шевченко, Гоголь и Коцюбинский, Л. Толстой и Бальзак, так оригинальны и неповторимы могут быть и произведения о них, если в этих произведениях глубоко и правдиво раскрыто то, что Пушкин назвал «своенравным гением», а Баратынский «лица необщим выражением».

Штампы и трафареты неизбежны в произведениях, выходящих под рубрикой биографического романа или повести,

когда авторы подменяют живое изображение отвлеченным рассказом, беллетризацией фактов, а художественно-психологический анализ творческого процесса — иллюстрацией гениальности творца. Такие произведения еще не редкость в биографическом жанре, к тому же в критике они получают иногда не только положительную, но даже высокую оценку. Так, например, А. Дымшиц писал, что В. Воеводин «благодаря тонкому чувству пушкинского языка, «вживанию» в образы поэзии, прозы, публицистики, проникновению в особенности среды и быта, окружавших Пушкина», «мог позволить себе такой высокий творческий риск, как введение ряда эпизодов, показывающих нам гениального поэта в процессе творческого созидания. И надо сказать, — заключает критик, — что эти трудные и ответственные эпизоды удались писателю»¹⁸.

Сначала несколько слов о «высоком творческом риске» В. Воеводина. Разве «рисковал» величайший мастер исторического романа А. Толстой, раскрывая одаренность натуры Петра Первого непосредственно в его деятельности? Труд писателя находит свое выражение в специфической сфере деятельности — в художественном творчестве. Именно в художественном произведении находят прежде всего свое воплощение мысли, чувства, настроения, стремления и взгляды писателя. «Зачем жалеешь ты о потере записок Байрона? — писал Пушкин Вяземскому. — Черт с ними! Слава богу, что потеряны. Он исповедывался в своих стихах...». Пушкин также *исповедывался в своих стихах*. Его гений открывается читателю прежде всего в его произведениях.

Таким образом, раскрыть художественными средствами труд творца, *показать* процесс перерастания, говоря словами П. Тычины, «труда в красу», — это не «риск», а первейшая обязанность автора произведения о писателе.

Как же выглядят в «Повести о Пушкине» В. Воеводина эпизоды, показывающие «творческое созидание» поэта? Приведем здесь несколько примеров.

«Инзов рассердился на него (Пушкина. — П. Ф.) за какую-то провинность, — пишет В. Воеводин, — отобрал сапоги и запретил несколько дней выходить из комнаты; у добряка начальника это означало «посадить под арест». А он, «заклученный», глядя из своей комнаты во двор на прикованного цепью орла, написал в этот день стихотворение «Узник», последнее четверостишие которого звучит как глубокий-глубокий вздох:

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!» и т. д.¹⁹

Итак, В. Воеводин подчеркнул здесь два момента, послу-

¹⁸ А. Дымшиц. Новая книга о Пушкине. «Звезда», 1949, № 11.

¹⁹ В. Воеводин. Указ. соч., стр. 69 и 70.

жившие толчком к написанию Пушкиным «Узника»: арест Инзовым поэта и вид прикованного орла. Но таким, казалось бы, на первый взгляд незначительным штрихом, как написание в кавычках слова «заключенный», В. Воеводин сузил понятие заключения изгнанного поэта, свел понимание это к единичному незначительному факту ареста поэта Инзовым и, таким образом, снял остроту переживаний Пушкина. В истолковании В. Воеводина содержание «Узника» сведено к отображению единичного факта из личной жизни поэта, оно лишено своего общественного звучания и глубины обобщения типичных явлений современной поэту действительности.

Как известно, первоначальным толчком к созданию В. И. Суриковым картины «Боярыня Морозова» также послужило случайное впечатление — он увидел на белоснежном поле черную ворону. Конечно, здесь случайное наблюдение сыграло важную роль в оформлении идейного замысла художника, но оно, в общем итоге, дало лишь толчок его фантазии, творческому воображению живописца, в процессе которого решающую роль сыграл жизненный опыт автора. Случайный образ, подвергаясь обобщению, типизации, превратился в результате в глубоко реалистическую картину, наполненную богатым, целеустремленным идейным содержанием.

Одной лишь констатации факта, который был положен в основу произведения, далеко не достаточно при изучении творческого процесса художника или поэта. Но В. Воеводин как раз и ограничивается в большинстве случаев такой констатацией. Вот, например, как, по мнению Воеводина, Пушкин создавал «Братьев-разбойников»: «И уж вспоминался, — пишет В. Воеводин, — Екатеринослав — начало его странствий, пыльный и душный городок над Днепром, колодники в ломотьях, выпрашивающие милостыню на улицах, и там же слышанный рассказ о побеге двух отчаянных смельчаков, бежавших вплавь через Днепр — на волю, на простор, к жизни «без власти, без закона». Так написаны были «Братья-разбойники»²⁰.

В таком же или почти в таком плане отражен В. Воеводиным труд Пушкина и над другими произведениями периода южной ссылки. Писатель, как правило, идет от факта, часто единичного, к иллюстрации, поэтому в его интерпретации работа Пушкина над «Кинжалом», «Узником» и другими произведениями ничем не отличается от написания эпиграммы, от экспромта. Обратимся опять к примеру. «Он ронял, — пишет В. Воеводин о Пушкине, — стихи по любому поводу, показавшемуся ему достойным. Жуковский не пошел в гости, — с ве-

²⁰ В. Воеводин. Указ. соч., стр. 69 и 70.

вчера съел лишнего, к тому же неожиданно навестил Кюхельбекер, — и вот уже готова новая шутка:

За ужином объелся я,
А Яков запер дверь оплошно —
Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно, и тошно!»²¹

Читая в самом начале «Повести о Пушкине»: «Труд, любимый и счастливый труд поэта, помогал ему забывать все горести этих дней. Труд этот с детских лет был существом его жизни», — можно надеяться увидеть, говоря словами А. Дымшица, «гениального поэта в процессе творческого созидания», но, окончив чтение произведения В. Воеводина, невольно получаешь впечатление, что Пушкин не создавал, а «ронял стихи по любому поводу...».

В. Воевдину следовало глубже проникнуть в мысли Пушкина о труде поэта-профессионала, в частности о своем личном творчестве. «Ради бога не думайте, — читаем в черновом письме к Казначееву, написанном в Одессе 22 мая 1824 года, — что я смотрел на стихотворство с детским тщеславием рифмача или как на отдохновение чувственного человека: оно просто мое ремесло, отрасль частной промышленности, доставляющая мне пропитание и домашнюю независимость»²².

Несомненно, прав был Ю. Манн, указав, что «Воевдин хочет поставить Пушкина на пьедестал, но вместо пьедестала мы ощущаем ходули», что «повести вредит отпечаток риторики»²³.

Интересно сопоставить здесь некоторые эпизоды повести В. Воеводина и романа И. Новикова, показывающие творческий труд поэта. Возьмем стихотворение «Узник». По мнению И. Новикова и В. Воеводина, поводом к написанию Пушкиным «Узника» послужили одни и те же факты. Но буквально с первого же момента повествования в обеих книгах становятся явными различия как в описании психологического состояния поэта, так и в истолковании замысла стихотворения.

Бодрое настроение «арестованного» Инзовым Пушкина, по роману И. Новикова, преходящее, его сменяет грусть, раздумье. Глядя на инзовских орлов, он вспоминает и прикованных цепью орлов в кишиневской тюрьме. Одно наблюдение вызывает целый ряд связанных с ним ассоциаций. В памяти возникает образ закованного в цепи разбойника Тараса Кириллова, которого Пушкин навестил в кишиневской тюрьме, и та песенка, которую иногда напевал арестант:

Замки нам не братья,
Тюрьма не сестра...

²¹ В. Воевдин. Указ. соч., стр. 70.

²² А. С. Пушкин, т. 13, стр. 93.

²³ Ю. Манн. О биографическом жанре. «Октябрь», 1956, № 10, стр. 165.

И вот этот мотив и этот размер запели в нем самом. Под воздействием их Пушкин быстро набросал первые строки стихотворения об узнике и орле:

И тихо, и грустно в темнице глухой,
Пленен, обескрылен орел молодой,
Мой верный товарищ в изгнании моем
Кровавую пищу клюет под окном.

Хотя замка на двери у него не было, но была решетка. Пушкин думал о себе, как об узнике. Но разве только он один сидит за решеткой и грустит о воле? Думы ширились, и «уже не одного себя, — пишет И. Новиков, — он представлял арестантом и не одного Кириллова вспоминал: тюрьма была велика»²⁴. Мысль поэта работала, память напрягалась, наполнялась образами и ассоциациями, в которых рядом с личными чувствами и настроениями все четче вырисовывались контуры окружающих событий, сливаясь с личным. Так, он был в изгнании, именно он — «в изгнании моем», — но это только личное, а тюрьма была велика. И он оставляет только «темницу», а первоначальный набросок, видоизменяясь под воздействием обобщенных типичных явлений, приобретает следующую форму:

Сижу за решеткой в темнице сырой,
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном.

В стихах было свое и оно осталось: даже туча, не раз проплывавшая и застилавшая белесые кишиневские холмы, видневшиеся в окно, и сохранившийся в воспоминаниях живой Эльбрус, и не оставившие поэта мечты о синих морских краях... «Но личное это, — говорит И. Новиков, — нашло, наконец, свою преображенную форму, которая делала его вместительным, емким, не только своим. Вдыхая об узнике, многие и на свободе вздохнут о самих себе, о той подлинной воле, которая человечеству все еще только снится.

И с чего началось? С орлов и решетки в инзовской комнате, с разбойничьей песенки — все это тут, перед глазами, в ушах, все это живые конкретности сегодняшнего дня, но, отталкиваясь от них, хотя их же отчасти и сохраняя, вырваться вдруг из личной своей тесноты в *просторную думу* о человеке, не значит ли это — не только мечтать, но и осуществлять деянье свободы?»²⁵

Вот так, вкратце, случайные наблюдения Пушкина постепенно, обогащаясь большим опытом поэта, превращаются в «просторную думу о человеке».

²⁴ И. Новиков. Указ. соч., стр. 322.

²⁵ Там же, стр. 323.

В истолковании И. Новиковым творческого процесса «Узника» элемент субъективный есть несомненно. Но он не ощутим, ибо писатель сумел «отгадать» «тайну» пушкинского труда. Большой глубиной в романе И. Новикова отличается и художественно-психологический анализ произведений Пушкина «Кавказский пленник», «Братья-разбойники», «Погасло дневное светило», «Бахчисарайский фонтан» и многих других²⁶. Вот один из ярких образцов, свидетельствующих о высоком мастерстве И. Новикова в раскрытии творческого созидания великого поэта. Речь идет о работе над «Кавказским пленником».

Пушкин, взяв ранее написанные главы поэмы и «улыбнувшись невольно над собою самим», «стал пробегать глазами начало поэмы:

Один в глуши Кавказских гор,
Покрытый буркой боевою,
Черкес над шумною рекою,
В кустах таился. Жадный взор
Он устремил на путь далекой,
Булатной шашкою сверкал,
И грозно в тишине глубокой
Своей добычи ожидал.

Она не очень давалась еще — эта поэма о русском юноше, попавшем в плен к горцам, и о любви к нему прелестной черчешенки. Да и сами стихи... Ему не понравились — в одном ряду такие разнородные глаголы: жадно вглядывался и ждал добычи — это одно, это скорей состояние человека, чем его действие, и тут же — шашкою сверкал! Что же он — размахивал ею? Зачем? Эта строка действительно, как взмах шашки, рассекает всю картину... Плохо!»²⁷

Глубоко раскрыв неугасимое творческое горение поэта и полный неиссякаемой энергии его труд над словом, которое предельно ясно передавало бы мысли и чувства, И. Новиков тем самым открыл читателю «тайну» пушкинского труда.

По замыслу романа И. Новикова — это прежде всего и главным образом история идейного роста и художественного совершенствования поэта. Духовный мир Пушкина — это своего рода фокус, в котором собраны лучи *всех* событий, воспроизводимых писателем в романе. Создавая образ Пушкина, И. Новиков шел, по его признанию, по пути сопоставления событий из личной жизни поэта и его отношений с другими людьми, с собственным его творчеством. Этот метод, типичный для лучших биографических романов, дал И. Новикову возможность в совокупности фактического материала,

²⁶ См. Н. Яковлев. К вопросу о литературно-историческом романе. «Звезда», 1944, № 7—8, стр. 117.

²⁷ И. Новиков. Указ. соч., стр. 45.

составляющего костяк биографического произведения, определить существенное в личной жизни Пушкина и окружающей его среде, установить внутреннюю связь событий личной жизни поэта с событиями окружающего мира, понять их закономерности и перспективы развития. Благодаря этому И. Новиков на основании глубокого анализа и синтеза результатов сопоставления и учета оригинальности стиля, речи, творческой манеры Пушкина и особенностей образного восприятия им окружающего мира с исключительной тонкостью подметил первые, иногда подсознательные, ростки замыслов поэта, проследил процесс их развития и воплощения в художественные образы. Величие и гениальность Пушкина в романе И. Новикова раскрываются в самом процессе его творческого труда.

Таким образом, уже в самом методе изображения фактического материала И. Новиковым и В. Воеводиным заметны существенные отличительные черты. Если В. Воеводин, как правило, идет от факта, часто изолированного от других, к иллюстрации, то для И. Новикова факт как таковой, сам по себе, вне связи с другими, не существует — он представляет собой лишь отдельное звено целой цепи жизненных явлений, прочно связанных между собой и взаимообусловленных. Оружием, позволившим И. Новикову глубоко проникнуть в сущность фактического материала, явилась подлинная научность его творческого метода.

Книга И. Новикова не лишена недостатков. Они были отмечены в свое время критикой²⁸. Это касается прежде всего одесского периода жизни Пушкина. Он раскрыт писателем очень сжато. И. Новиков написал сначала вторую часть романа — «Пушкин в Михайловском», а затем первую — «Пушкин на юге». В результате этого пребывание Пушкина в Одессе поделено между двумя книгами, но ни в одной не находит глубокого освещения.

Лучшие страницы этих глав посвящены показу труда Пушкина над «Евгением Онегиным» и другими произведениями. Но часто изображенные в этих главах события сводятся к описанию интимной жизни поэта.

Но в основном не эти недочеты характеризуют книгу И. Новикова. Ее судьбу решила прежде всего подлинная научность, являющаяся качественной отличительной чертой лучших произведений советской художественно-биографической литературы. Благодаря научности творческого метода и высокому писательскому мастерству И. Новиков создал роман, как заметил В. Вересаев, способный «даже самого неподготовленного читателя заставить полюбить Пушкина не только в его творчестве, но и в жизни».

²⁸ См. «Звезда», 1944, № 7—8, стр. 116.

ПУШКИНСКИЕ НАУЧНЫЕ КОМИССИИ ИНСТИТУТА
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ МФ АН СССР И ОДЕССКОГО ДОМА
УЧЕНЫХ

ПУШКИН
НА ЮГЕ

Труды
Пушкинской конференции
Одессы и
Кишинева

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ШТИНЦА»
МОЛДАВСКОГО ФИЛИАЛА АКАДЕМИИ НАУК СССР
КИШИНЕВ * 1961